

ОСОБЕННОСТИ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ В РОМАНЕ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Язык великого русского писателя Ф.М.Достоевского, 190-летним юбилеем и 130-й годовщиной памяти которого был отмечен 2011 год, традиционно привлекает внимание учёных, ведь главной особенностью его творчества было то, что в нём художническое начало было теснейшим образом связано с началом философским. Произведения этого писателя-мыслителя не только оказали огромное влияние на развитие мировой литературы, но и оставили глубокий след в духовном развитии человечества.

Начиная с «Преступления и наказания» определяется последний, высший этап в развитии стиля Достоевского-романиста, перешагнувшего через влияние гоголевской прозы и давшего образцы словоупотребления в их новом, не известном ранее облике. Идиолект зрелого Достоевского, вне всякого сомнения, должен стать предметом особого лингвистического анализа; эта же статья посвящена только отдельному его эпизоду – описанию экспрессивно-стилистических особенностей повторов в романе «Подросток».

Пожалуй, самым частотным с точки зрения употребительности и самым разнообразным с точки зрения выбора средств стал в романе приём намеренного повтора слов как в небольшом фрагменте, так и на протяжении всего текста. Повторы в «Подростке» самые разнообразные: лексические и грамматические, контактные и дистантные, двукратные, трёхкратные и многократные.

Среди лексических повторов (а это повтор одного и того же слова в одинаковой или в разных его формах) текстового уровня можно выделить лексему *отец*, которая многократно употребляется от начала и до конца романа, что абсолютно оправданно, ведь главный герой Аркадий Долгорукий практически с самого детства знает, что его отец – дворянин Версиков. Вот только самые яркие примеры: *Версиков, отец мой, которого я видел всего только раз в моей жизни...; Конечно, у меня вдруг являлся отец, которого никогда прежде не было...; Я с самого детства привык воображать себе этого человека, этого «будущего отца моего» почти в каком-то сиянии и не мог представить себе иначе, как на первом месте везде; ...Мне самого Версикова всю жизнь надо было, всего человека, отца... Чем более общим и всеобъемлющим становится значение слова, тем индивидуальнее и насыщеннее его особое звучание.*

Очень интересно раскрывается с каждым новым употреблением семантика лексемы *угол* – от её прямого бытового значения до метафорически переосмысленного. Например: *Для жителя моего мне нужен был угол, угол буквально, единственно чтобы выспаться...; Я прямо требовал угла, чтоб только повернуться, и мне презрительно давали знать, что в таком случае надо идти «в углы»; Сколько угрюмых лиц простонародья, торопливо возвращавшегося в углы свои с работы и с промыслов; Всё это от невыдержки и оттого, что вырос в углу; Но вместо приобретения выдержки я и теперь предпочитаю закупориться ещё больше в угол...; Нет, мне нельзя жить с людьми; на сорок лет вперёд говорю. Моя идея – угол.* Всего в романе около двадцати словоупотреблений этой лексемы в различных контекстах, что недвусмысленно намекает на одиночество подростка, выросшего при живых родителях фактически без семьи и без любви.

Хотя лексика Достоевского в высшей степени многообразна, однако есть в «Подростке» слово, повторяющееся так часто, что редкая страница обходится без него: это слово *чрезвычайно*. Объяснить такой факт можно довольно просто, если вспомнить, что весь роман – это своеобразная исповедь человека, который только вступает в самостоятельную жизнь и ищет своё место в ней. Именно формирующейся личности подростка свойствен такой юношеский максимализм, такая крайняя напряженность и дерзость поступков и мыслей, что это невольно отражается в его речи, требующей каких-то формальных усилителей и превосходных степеней. С этой целью употребляется

множество слов (о них чуть ниже), но настоящим «рекордсменом» среди них стало **чрезвычайный / чрезвычайно** “исключительный, очень большой, превосходящий всё”. Не имея возможности привести в рамках одной статьи все случаи такого словоупотребления, дадим несколько примеров: *Он как-то чрезвычайно кривился...; Не так высокого роста девица, полная и с чрезвычайно румяными щеками; Отвернулись от него все вследствие слухов об одном чрезвычайно низком и скандальном поступке; Этот человек даже теперь в чрезвычайно многом остаётся для меня совершенною загадкой; Эта способность уважать себя именно в своём положении – чрезвычайно редка на свете; Катерина Николаевна имела неосторожность написать Андроникову чрезвычайно компрометирующее письмо; ...тут теперь один документ, которого чрезвычайно боится госпожа Ахмакова; Милый мой, ты чрезвычайно со мной бесцеремонен.* Иногда эта лексема несколько раз повторяется в пределах одного предложения или ССЦ: *Произошло чрезвычайно много каких-то секретных, чрезвычайно неприятных семейных столкновений, споров, одним словом, всякой гадости; Этот Макар чрезвычайно осанист собою и ...чрезвычайно красив; Мне очень нравилось чрезвычайное простодушие, с которым он ко мне относился... Иногда я с чрезвычайным недоумением всматривался в этого человека... Удивился я и его лицу: оно было на вид чрезвычайно серьёзное...* Интересно, что это слово любил и сам Достоевский и, по наблюдениям исследователей, довольно часто им пользовался в своих письмах [2, с. 113].

Среди других маркеров меры и степени проявления признака такие слова и выражения, как **очень, слишком, чересчур, совсем, ужасно, необыкновенно, бесчисленно, бесконечно, капитально, наиболее, в высшей степени, изо всей силы** и др., повторяющиеся в самых разных ситуациях. Например: *Князь был очень религиозен и чувствителен; Князь стал уверять, что ужасно много служил...; Я сперва заключил о нём, что он – совсем баба; И вот Версилова необыкновенно любопытно посмотрела на меня; Видеть Крафта в настоящих обстоятельствах для меня было капитально важно; А я скажу, что тут бесчисленно много идеи и бесконечно много нового; Я мечтал об этом ужасно целых два месяца; Клянусь, что я именно теперь в настроении в высшей степени покаянном, и именно теперь в тысячный раз, быть может, бессильно жалею обо всём; Знай же, что именно тут ты наиболее промахнулся; Старик казался чересчур легкомысленным, как-то не по летам; Я слишком часто обвиняю, слишком склонен к обвинению других..., но за этой склонностью следовала другая мысль, слишком уж для меня тяжёлая...*

Такое изобилие наречных выражений с семантикой меры и степени может соперничать разве что с разнообразными формами степеней сравнения имён прилагательных и наречий, несомненное первенство среди которых удерживают приставочные словоформы. Например: *пресложная и прегнусная сплетня, преудобнейшим образом, претяжёлая вещь, прегадкая история, премилые вещи, пренеприятное и прехлопотное дело, презабавный анекдот, преглупо вскипел, преневежливый образ, это премило, преудачно определил, преоригинальное впечатление, прегрубые грамматические ошибки, седой-преседой старик, наиблагороднейшее существо.*

Подобным образованиям в количественном отношении несколько уступают суффиксальные и аналитические формы превосходной степени сравнения. Например: *смешнейший подросток, тяжелейшие впечатления, приятнейшая улыбка, тончайшая путаница, глубочайшее удивление, хитрейшая улыбка, недостойнейший гороховый шут, мерзейшее существо; самый ближайший срок, самое фантастическое утро; самый зелёный подросток, самое прелестное расположение духа, спрашивали всех оскорбительней.*

Чтобы логически завершить тему словообразовательных средств выражения категории меры и степени, нужно вспомнить и об уменьшительно-уничижительных формах, которыми тоже изобилует текст романа. Вот отдельные примеры имён существительных: *барчонок, векселёк, заговорышко, господчик, с грязнотцой, глазёнки,*

каморка, комнатёнка, самоварчик, платьишко, докторишки, башмачонки, именишко, пансионико, тридцать тысячек, людишки, полсловечко и многие другие. А если такие формы нанизываются в контексте, то впечатление только усиливается. Сравним: *Входя в квартиру, вы прямо вступали в узенький коридорчик; Позорная встреча! Позорное и глупенькое впечатленье; Это была сухенькая, маленькая фигурка, с птичьим востреньким носиком и птичьими востренькими глазками.* Такое поистине огромное количество диаметрально противоположных превосходных и уничижительных выражений, соседствующих в одном контексте, на одной странице, по нашему мнению, как нельзя лучше демонстрирует полярность видения мира подростком, отсутствие в этом восприятии полутонов и нейтральных оттенков, юношеский максимализм в оценках и словах.

Достаточно интересны случаи многократного повтора слов в отдельных эпизодах, что, несомненно, свидетельствует о превращении этих лексем в ключевые для понимания или трактовки смысла. В самом начале романа, рассуждая о своей фамилии Долгорукий (*Ничего нет глупее, как назваться Долгоруким, не будучи князем*), автор семь раз употребил слово **просто** [1, с. 23]. Раскрывая историю своего появления на свет, Аркадий пять раз повторил слово **так** (в значении “между прочим”) [1, с. 27]. Описывая простые бытовые вещи, подросток пять раз подряд употребляет предикатив и наречие **пошло** [1, с. 21]. В напряжённых диалогах Аркадия с Версиловым по шесть раз звучит **не понимаете – не понимаю** [1, с. 255, 260].

Однако самым частотным из всех видов лексического повтора является трёхкратное повторение одного и того же слова в пределах предложения или ССЦ. Например: *К делу; хотя ничего нет мудрёнее, как приступить к какому-нибудь делу, – может быть, даже и ко всякому делу; Но, собственно, об этом позже. Это так не расскажешь. Этим человеком и без того будет наполнена тетрадь моя; ...Тут своего рода ум, и даже презамечательный ум; впрочем, ты уму-то и не поверишь...; Я, конечно, ломался, но я ведь тогда ещё не знал, что ломаюсь. Разве ты никогда не ломаешься в практических случаях?; А главное – почтительность, эта скромная почтительность, именно та почтительность, которая необходима для высшего равенства; ... Я постоял, поглядел и тихо вернулся, тихо пошёл наверх, тихо разделся и лёг...; Эти два месяца я стремился удержаться в колее, полюбил колею, втянулся в колею.*

Нередки случаи многократного повтора, что ещё больше усиливает значимость одного слова. Например: *Моя идея – это статья Ротшильдом. Я повторяю: моя идея – это статья Ротшильдом, статья таким же богатым, как Ротшильд; не просто богатым, а именно как Ротшильд; – Эх, оставим, после! – И оставим, и оставим, я и сам рад всё оставить...; Лгать России, лгать детям, лгать Лизе, лгать совести!*

Контактный лексический повтор используется автором для подчёркивания интенсивности действия, или признака, или состояния. Например: *Я отворил, и вдруг тёмная-тёмная ночь зачернела передо мной; Я хотел быть один, один; И, должно быть, я долго-долго спустя ... проснулась; Я стал перед образом и начал молиться, только скоро-скоро; Пусть приходит, когда надо, смерть, а пока жить, жить! Я бросился на мою кровать ... и думал-думал; Как услышала она про Версилова, так на него и накинулась, говорит-говорит...; Целый час я сидел, закрывшись руками, и плакал-плакал; Я понимал, что я подслушиваю, подслушиваю чужую тайну, но я остался.*

Пожалуй, самым интересным видом лексического повтора является соположение родственных слов, которые одновременно и повторяют, и видоизменяют семантику общего корня, делая её ещё более выразительной и заметной. Например: *Ты так хочешь жить и так жаждешь жить, что дай, кажется, тебе три жизни, тебе и тех будет мало; Да ты мало того, что тогда был лакеем, ты и теперь лакей, лакейская душа у тебя; Ни как не могу даже допустить, чтобы от живой жены модно было жениться ещё на жене; В её виде было что-то монастырское, почти монашеское...; Правда, я и тогда уже не практиковал давно, но практический совет в практическом деле я мог*

подать; Мы все наши двадцать лет совершенно прожили молча и всё, что было у нас, так и произошло молча. Главным характером всего двадцатилетия связи нашей было – безмолвие; Я уступчив и мелочен только в мелочах, но в главном не уступлю никогда; Есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убеждённые, что их подлость есть высочайшее благородство, подлецы стыдящиеся, то есть стыдящиеся собственной подлости, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы.

Создаётся впечатление, что и сам Достоевский, и герои его романа хватаются за найденное ими слово, часто самое простое, видя в нём единственное, незаменимое и верное выражение мысли. И повторение таких слов, и их сопоставление приводят к обнаружению очень тонких изобразительных оттенков. Вот ещё примеры: *Но что мучило меня до боли (мимоходом, разумеется, сбоку, мимо главного мучения) – это было одно неотвязчивое, ядовитое впечатление – неотвязчивое, как ядовитая осенняя муха, о которой не думаешь, но которая вертится около вас, мешает вам и вдруг преобильно укусит; ...Самая неприметная усмешка... и, однако ж, самая язвительная, тем именно и язвительная, что почти неприметная...* Все эти повторы придают какую-то особенную силу, наглядность и выпуклость в описании сложных и запутанных мыслей и чувств.

Одним из самых заметных средств экспрессивного синтаксиса в романе является повтор одних и тех же членов предложения (главных или второстепенных), чаще всего троекратный, однако нередки случаи и многократного повторения. Например: *Как нарочно, было прелестное утро, солнце, прохожие, шум, движение, радость, толпа; Она рассчитывала подействовать на меня толчком, сотрясением, нечаянностью; Она ... цинически рассчитывала на мою невинность, простосердечие, даже на чувствительность; ...Эти обстоятельства она и спешила предупредить нечаянностью, наскоком, ударом; Очень уж почитала она всю жизнь свою, во страхе, и трепете, и благоговении законного мужа своего и странника Макара Ивановича. Особой напряжённостью и каким-то особым ритмом звучат предложения с несколькими однородными рядами, например: *Увы, всё делалось во имя любви, великодушия, чести, а потом оказалось безобразным, нахальным, бесчестным; Входя сюда, я думал, что унесу иезуитство, хитрость, выведывающую змею, а нашёл честь, славу, студента! И вдруг такая находка, тут уж пойдут не бабьи нащёптывания на ухо, не слёзные жалобы, не наговоры и сплетни, а тут письмо, манускрипт, т.е. математическое доказательство коварства намерений его дочери.**

Семантикой усиления и нагнетания признака характеризуются и ряды эпитетов. *Какая же косность, глухая, слепая, тупая, может заставить меня действовать так, если мне выгодней иначе? ...Умных женщин привлечёт любопытство к странному, гордому, закрытому и ко всему равнодушному существу; Ты, Лиза, хоть и боишься смерти, а, должно быть, гордая, смелая, мужественная; В такое петербургское утро, гнилое, сырое, туманное, дикая мечта какого-нибудь Германа должна ещё более укрепиться; Вот содержание этой ужасной, безобразной, нелепой, разбойнической записки, слово в слово.* Такое нанизывание тропов, такая градация эпитетов свидетельствует о поиске более точной формулировки, о желании дать всестороннюю характеристику, о предельно напряжённой работе мысли автора и героя, наконец.

Создающийся при этом стремительный темп повествования ничуть не мешает раскрывать с исчерпывающей полнотой думы и чувства героев романа. Именно этот ритм как нельзя лучше обнаруживает духовное беспокойство, душевные метания и поиски не только главного действующего лица, но и других персонажей (Версилова, Ахмаковой, Лизы, Крафта). Беспокойство и непрерывность духовных исканий свойственно самому автору: это основное динамическое ядро его романов.

Достоевский – великий художник, самобытный мастер слова, и изучение его стиля по своему предмету и возможностям просто безгранично.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Подросток. – М.: Правда, 1984. – 608 с.
2. Чичерин А.В. Сила поэтического слова: Статьи. Воспоминания. – М.: Сов. писатель, 1985. – 320 с.